

Features of the study of Soviet Jews correspondence period of 1939 - 1945.

Terushkin L. (Russian Federation)

Особенности изучения переписки евреев СССР периода 1939 – 1945 гг.

Терушкин Л. А. (Российская Федерация)

Терушкин Леонид Абрамович / Terushkin Leonid – заведующий архивным отделом, Научно-просветительный Центр Холокост, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация: в статье анализируется семейная и фронтовая переписка периода Второй мировой войны в контексте изучения истории Холокоста. Письма евреев, прежде всего солдат и офицеров Красной Армии, содержат исключительно важные сведения о преступлениях нацизма, имена, даты и места гибели жертв этих преступлений.

Abstract: the article examines the family and the front-line correspondence of the Second World War in the context of studying the history of the Holocaust Letters to the Jews, especially the soldiers and officers of the Red Army, only contain important information about the crimes of Nazism, names, date and place of death of the victims of these crimes.

Ключевые слова: Вторая Мировая война; Холокост; евреи; письма; Красная Армия; преступления нацизма.

Keywords: the Second World War; the Holocaust; the Jews; the letters; the Red Army; the crimes of Nazism.

Изучение писем и дневников тех, кто прошел Великую Отечественную войну, для кого она навсегда осталась частью собственной биографии и семейной истории не является чем-то принципиально новым. Но в связи с отдалением от нас событий Великой Отечественной и Второй Мировой войны это обращение становится все более важным и значимым. На протяжении последних двух десятилетий мы являемся свидетелями «угасания» памяти о войне. Объективной правде и реальной памяти о войне сегодня противостоят многочисленные псевдо-образы, утверждаемые, даже навязываемые, современной массовой культурой. При том, что современное образование часто не в состоянии этой тенденции серьезно противостоять.

Эта ситуация порождает новые мифы о событиях 1941-1945 гг. И тема Холокоста, преступлений нацизма, которая изучается весьма интенсивно на постсоветском пространстве, подвергается мифологизации, атакам ревизионистов и отрицателей.

Поиск и изучение писем, дневников и других документов личного происхождения периода 1939–1945 гг. составляют одно из главных направлений деятельности Архива Российского Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост». Материалы поступают в Архив НПЦ как в составе личных фондов, комплексов семейной переписки (предвоенные письма, письма с фронта, из эвакуации, из тыловых районов), так и отдельными, порой чудом сохранившимися экземплярами.

В рядах Красной Армии и Флота, партизанских отрядов, подразделений НКВД и других формированиях было около 550 000 евреев. Прежде всего, нас интересует переписка воинов-евреев с их родными и товарищами по оружию. Это основной массив сохранившихся в семейных и личных архивах писем. Почти никто из авторов писем и дневников не ставил себе специальную задачу быть летописцем своего времени и событий, в которых довелось участвовать. Это был просто способ сохранения связи с мирной жизнью, из которой они были вырваны войной. Писали о том, что видели и чувствовал, о чем не могли не писать. Не только, чтобы поделиться - чтобы никогда не забыть. А тем более никто не был уверен, что успеет рассказать это лично, - шансов на возвращение живым было немного. Глазами свидетелей и очевидцев предстает перед нами война во всем множестве ее проявлений: боли, слез, мерзости, мародерства, трусости, но одновременно - самопожертвования, любви и дружбы. В подавляющем большинстве документы дают ответ на вопрос - что было особо значимо для обычного человека в условиях войны - постоянной опасности смерти, голода, страданий и лишений. Присутствует в письмах с фронта и отголоски советской официальной пропаганды. Большинство авторов фронтовых писем – молодые люди, патриоты своей страны, ненавидящие нацизм. Однако нападение Германии, уничтожение еврейского населения вызвали определенный всплеск национального самосознания солдат и офицеров – евреев. Во многих письмах есть строки о судьбе еврейского населения оккупированных территорий (не только о родственниках). Впрочем, о преступлениях нацизма писали представители разных национальностей. Одни из них упоминали о жертвах среди «советских граждан» или «местных жителей», другие прямо писали, что «убивали евреев». Ведь после начавшейся в 20-30-е гг. ассимиляции

советских евреев, появления все большего количества смешанных семей, очень многие советские солдаты и офицеры (русские, украинцы, белорусы и др.) имели еврейских родственников. А нацисты на оккупированной территории СССР так же уничтожали полукровок. Поэтому «особое» отношение нацистов к евреям ни для кого не было секретом, но вызывало порой еще «особую» ненависть. Из письма младшего сержанта Абрама Шмидта от 05.06.1944 г. «Очень печальную весть мне принесло ваше письмо. Ида, Хава и папа в 1941 г. были расстреляны или другим способом умерщвлены гитлеровской оккупационной бандой. Хотя и раньше я был подготовлен к этому и не считал их в живых, однако, где то далеко в глубине сердца еще теплилась какая-то надежда. Теперь мне Самуил написал всю правду. Я весь вечер и всю ночь не сомкнул глаз» [3, л. 1].

«Особенно я боюсь за жену и детей. Если они не эвакуировались при приближении немцев, то я считаю их погибшими от рук фашистов, поголовно уничтожавших людей еврейского происхождения», - писал уже летом 1945 г. вернувшийся из гитлеровского плена Иван Полуянов» [4, л. 1].

В письмах 1943–1945 гг. информации о преступлениях нацистов становится все большее и больше – фронтовики освобождают территории СССР и Европы. «Я узнал и хочу, чтобы все узнали, что такое немцы. Это не люди, они хуже зверей. Разве люди могут сжечь в доме людей, облив их бензином?» (из письма рядового В. Н. Цоглина, конец июня 1944 г.) [1, с. 185].

Часто уцелевшие евреи в Польше, Литве, Румынии, не знавшие русского языка только с красноармейцами-евреями могли беседовать на идиш. Повторялась ситуация 1939-1940 гг. Только красноармейцы были уже другими - утратившими предвоенные иллюзии, прошедшими тяжелейший путь. А выжившие евреи молчать не могли, они «должны были рассказать». Запись от 30.01.1945 г. в дневнике военного врача И. Б. Фридлянда после посещения Освенцима:

«Меня окружают несколько бывших заключенных и один из них – Гордон, еврей, врач из Белоруссии, находившийся в лагере несколько лет, говорит: «Я сюда был доставлен с отцом, матерью, сестрой, женой и ребенком. При сортировке прибывших меня направили на работы, а моих близких на сжигание. Они все были сожжены, но до сих пор меня мучает одна мысль – как погибла моя дочурка. Дело в том, что в составе зондеркоманды был один садист, который бросал детей живыми в раскаленную печь. Меня все время мучает мысль, не оказалась ли моя девочка среди сожженных заживо» [6, с. 75].

На протяжении послевоенных лет, почти не уделялось внимания так называемой «тыловой» переписки – по дороге в эвакуацию и обратно, на фронт, в разные города СССР, в освобожденные районы. А ведь эти письма содержат порой уникальную информацию о повседневной жизни семей фронтовиков, эвакуированных и беженцев, об отношении к евреям в тылу. Огромный массив писем на фронт и внутренней переписки между различными городами и регионами в глубине страны дает очень яркую картину бегства, эвакуации граждан СССР, их жизни в тылу.

Письмам на фронт из советского тыла в значительно меньшей степени повезло, поскольку военнослужащие редко имели возможность их сохранить. Количество подобных источников, дошедших до современного исследователя невелико, если сопоставить с колоссальным объемом переписки военных лет. Люди стремились хранить, прежде всего, письма тех, кто с войны не вернулся - как память, реликвию. И в «тыловой переписке» почти не встречалось ничего героического - такого, что стремились бы опубликовать газеты того времени. Повседневная жизнь, подробности которой столь интересны нам сегодня. Важно отметить, что письма из советского тыла в основном написаны женщинами (матерями, женами, дочерьми и сестрами фронтовиков). Мужчины почти все были на фронте.

В «тыловой» переписке «принимали участие» только старики, инвалиды, вернувшиеся домой, лечившиеся в госпиталях раненые, солдаты запасных частей. Кстати, именно внутренняя, «тыловая» переписка оказалась наименее подверженной цензуре.

Общность судеб эвакуированных привела к тому, что традиционные для евреев поиски «своих» по национальности трансформировались в поиск и объединение «своих» по месту прежнего жительства - «украинцев», «белорусов», «москвичей», «киевлян». Так было легче выживать - физически и психологически. Впрочем, с местным населением постепенно так же были установлены вполне добрососедские отношения. Известные (например, в Ташкенте) вспышки и проявления антисемитизма были скорее исключением, спровоцированным трудностями проживания и размещения в переполненном беженцами регионе, бытовыми проблемами.

Семейная история была едва ли не единственным источником фиксации памяти о фактах и местах уничтожения евреев.

Уцелевшие евреи разыскивали своих родных, пытались узнать об их судьбе, о месте гибели и захоронения. Где-то жизнь разыгрывала драматические сцены встречи фронтовиков, потерявших всех близких с местными жителями-коллаборационистами - пособниками оккупантов в уничтожении евреев.

Особая группа писем – сообщения соседей и друзей о гибели евреев на фронте или на оккупированной территории. Некоторые соседи в своих письмах пытались как-то утешить тех, кому сообщали о гибели близких, выразить сочувствие.

«Открытие вашу получили. Очень тяжело сообщать вам эту тяжелую весть. Стариков Иоффе немцы расстреляли в их дворе в конце августа 42 г. Это мы узнали, из рассказа Бондаревского Петра Федоровича. Он нам сказал, что трупы находятся в щели во дворе, мы хотели их обнаружить, но нам это не удалось, т.к. очень много снега. Если только мы обнаружим трупы, то вам сразу сообщим». Письмо от 18.03.1943 г. из г. Воронежа [5, л. 2].

Эти сведения являются, как правило, единственным источником о судьбе жертв Холокоста, месте и дате их гибели. Поиск и изучение эпистолярных источников важны не только в научных и образовательных целях, но и для увековечивания памяти о героях и жертвах. Именно в письмах приводятся факты спасения евреев - как мирных жителей, так и военнослужащих Красной Армии. Вот записка от 5 июля 1944 г. из г. Орла: «Я, Данелюк Мария Яковлевна, проживаю г. Орле по Пушкинской ул., № 33 по происхождению еврейка, выкрещена и венчана с русским в 1915 г. Имею трех детей, из которых, два сына дважды орденосцы, дочь работает в НКВД, а муж на фронте. Во время оккупации была вынуждена остаться в г. Орле. В 1942 году меня выявили как еврейку и я с семьей (дочь и муж) должна была погибнуть. Тогда я обратилась к своему соседу священнику Маккавееву И. П., который посдействовал мне скрыться из г. Орла и укрыться в д. Кобяково, Моховского р-на. Благодаря этому, я с семьей, остались живы» [2, с. 122].

Переписка военных лет является практически единственным историческим источником в наименьшей степени подверженный влиянию субъективных факторов, если сравнивать с воспоминаниями послевоенного периода. Мы даже проводили сравнительный анализ дневников некоторых авторов - версии 1943-1944 гг., с «отредактированной» версией воспоминаний 1960-70-х гг. Увы, многое в последних версиях было изъято, опущено. И сейчас некоторые из ныне здравствующих авторов писем и дневников, а так же их дети говорят, что публиковать не надо - «это неинтересно», «здесь ничего героического». Полагаю, что здесь сказываются устойчивые стереотипы отношения к событиям войны, формировавшиеся десятилетиями. Великая Отечественная война слишком долго представлялась столкновением массы техники, «войной моторов», анализом военно-стратегических операций, перемещением миллионов солдат, среди которых выделялись лишь легендарные, хрестоматийные герои.

Наоборот, как раз следует знать о повседневной жизни, быте, взаимоотношениях, переживаниях, надеждах обычных людей в годы величайших трагедий и испытаний. Разумеется, речь не о сугубо личных, даже интимных моментах переписки - к этому следует относиться максимально осторожно и бережно. Ведь авторы - фронтовики осознавали, что каждая строчка может стать последней, что следующего письма может уже не быть. Родственники фронтовиков, особенно воинов-евреев, на оккупированной территории тоже имели минимальные шансы на выживание.

И именно в переписке, созданной «здесь и сейчас», по горячим, порой кровавым следам, отражены факты, подробности и чувства очевидцев и участников событий, которые в дальнейшем выпали из памяти, трансформировались под влиянием времени, коллективной памяти, идеологических установок. Публикации источников личного происхождения должны напоминать о том, что война стала поворотным моментом в судьбе каждого ее участника и свидетеля – воина и тыловика, узника концлагеря, беженца, ребенка и взрослого. Нам постоянно открываются нюансы важные, не только для полного и объективного воссоздания картины прошлой войны, но и понимания того, чем является война. И какой неизгладимый след, правильнее сказать - шрам, она оставила в исторической памяти народов.

Литература

1. Сохрани мои письма. Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны./сост: И. Альтман, Л. Терушкин. М., 2007.
2. Терушкин Л. А. Повседневная жизнь рядом со смертью: фронт, тыл, эвакуация. По письмам евреев Советского Союза.1941-1945. // Ежемесячный научный журнал Национальной ассоциации ученых (НАУ) № 10 (15) ч. 2 – Екатеринбург, 2015.
3. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Евреи-участники ВОВ» Ф. 9, оп. 1, ед. хр. 214.
4. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Военнопленные» Ф.14, оп.1 ед. хр. 87.
5. Архив НПЦ «Холокост». Коллекция «Холокост на территории России» Ф.12. оп. 1, ед. хр. 99.
6. Архив НПЦ «Холокост». Л/ Ф. Фридлянда И. Б., ед. хр. 17.